

Западная критика считает Д. создателем жанра микроромана. Произведения, вошедшие в одноименный «Микророманы» (Нью-Йорк, 1991), от «Смерти царя Федора» до «Медового месяца у прабабушки», значительно глубже и шире рассказов, хотя черты последних имеют место, и являются своеобразным компактным жанром, адекватным быстротекущей современности. Теоретические обоснования «микроромана» в качестве нового жанра для XXI в., сформулированные Д., не раз публиковались и остаются предметом обсуждения литературоведов.

Оттолкнувшись от экспериментов Ю. Н. Тынянова и А. Д. Синаевского, Д. разработал свой стиль полемики литературоведения на стыке науки о лит-ре, публицистики и прозы. В трех романах-исследованиях, объединенных названием «Узник России»: «Изгнанник самовольный», «Досье беглеца» и «Смерть изгоя» (написаны в 1983–99, много раз изданы за рубежом и в России), впервые в мировой пушкинистике биография А. С. Пушкина столь полно рассматривается под углом попыток великого поэта посетить Европу в качестве дипломата, путешественника и, когда это не удается, бежать нелегально из Кишинева, Одессы, Михайловского и Арзрума. Новое прочтение известных материалов, необычная трактовка таких произведений, как «Борис Годунов», «Пророк», «Анчар», «Полтава» и др., позволяют глубже понять связующее звено «Пушкин — Запад». Некоторые критики отмечают, однако, попытку Д. понять мотивации великого поэта через призму советских проблем и вытекающую отсюда субъективность автора трилогии «Узник России».

В книге «Русские мифы» (1995) по-новому рассматриваются некоторые традиционные взгляды на два последних века развития русской лит-ры. Это эссе о причинах любви Сталина к Пушкину, о неизвестном подпольном московском философе Николае Вентцеле, который пытался в тридцатые годы полемизировать с официальной линией агитпропа, о тайных реалиях жизни и смерти В. Хлебникова, А. Куприна, Ю. Трифонова. И в России, и в западной прессе новизна и неожиданность точек зрения Д. вызывают различные, как восторженные, так и клеймящие оценки критики.

В книге «Я родился в очереди» (1995) заметна растущая критика Д. западной реальности. В ней собраны также очерки и сатирические миниатюры о проблемах эмиграции в Европе, Техасе и Калифорнии, о процессах перемен в России, какими они видятся из Америки.

Соч.: СС: в 6 т. Балтимор, 1998; Избранное: в 2 т. СПб., 1999; Избранное: в 2 т. Екатеринбург, 2001; Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. London, 1987; М., 1995; Ангелы на кончике иглы. NY, 1989; М., 1991; Микророманы. NY, 1991; Каникулы по-человечески. М., 1992; Техасские заскоки // Звезда. 1998. № 4; Русские мифы. СПб., 1999; Вторая жена Пушкина: Романы и полемические эссе. М., 2000; Смерть изгоя. Baltimore, 2001; Узник России: трилогия. М., 2003; Закаляйтесь на брани критиков // Лит. Россия. 2004. № 7; Суперженщина. М., 2003; Балтимор, 2003.

Лит.: Максимова О. История из неувещанного времени // Новое русское слово. 1989. 13 янв.; Максимова О. Роман не об ангелах // Новое русское слово. 1989. 13 апр.; Резник С. Частное расследование // Двадцать два. 1989. № 65; Миронов О. Миф о предателе // Континент. 1989. № 60; Толстой И. Миф о доносчике // Русская мысль. Paris. 1990. № 3811; Свирский В. Проза Юрия Дружников. Вашингтон, 1994; Аннинский Л. Процесс перемещения из одной реальности в другую // Дружба народов. 1997. № 1; Басинский П. Есть ли связь между Пушкиным и Павлом Морозовым? // Лит. газ. 1997. 3 сент.; Костоюков Л. Частное лицо в истории // Лит. газ. 1999. 20 янв.; Краснощекова Е. Русские мифы // Новое лит. обозрение. 2000. № 1; Феномен Юрия Дружников: сб. статей. М.; Варшава, 2000; Звонарева Л., Ольбрых В. Состоявшийся вне тусовки: творчество и судьба Юрия Дружников. М., 2001; История в зеркале лит-ры и литературоведения: сб. статей. Гданьск, 2002; Юрий Дружников: книги и судьба: библиографический указатель. Ульяновск, 2002.

В. Д. Свирский

ДРУНИНА Юлия Владимировна [10.5.1924, Москва — 21.11.1991, пос. Советский Писатель Подольского р-на Московской обл.] — поэтесса.

Родилась в учительской семье, в 1941 из 10-го класса средней школы ушла на фронт, была санинструктором, дважды ранена, награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», демобилизована по ранению в конце 1944. В 1952 окончила Лит. ин-т им. М. Горького. Первый сб. стихов «В солдатской шинели» вышел в 1948. За ним последовали: «Стихи» (1952), «Разговор с сердцем» (1955), «Ветер с фронта» (1955), «Современники» (1960), «Тревога» (1963), «Страна юность» (1966), «В двух измерениях» (1970), «Не бывает любви несчастливой» (1973), «Окопная звезда» (1975), «Солнце — на лето» (1983), «Это имя...» (1984), «Метель» (1988) и др.

Пережитое на великой войне стало отправной точкой в развитии поэтического мировосприятия Д. и сквозной темой ее лирики.

Ю. В. Друнина

Свой уход на фронт вчерашняя школьница объясняла просто, убедительно и проникновенно: «Я ушла из детства в грязную теплушку, / В эшелон пехоты, в санитарный взвод. / Дальние разрывы слушал и не слушал / Ко всему привыкший сорок первый год. / Я пришла из школы в блиндажи сырые, / От Прекрасной Дамы — в „мать“ и „перемать“, / Потому что имя ближе, чем „Россия“, / Не могла сыскать». Укороченность последней строки, резко изменяя ритм стихотворения, делая его волевым, подчеркивала решимость девочки взвалить на себя всю тяжесть мужской солдатской судьбы, глубину ее патриотических чувств, естественность судьбоносного выбора. Но и в суровых условиях фронтовой жизни, находясь постоянно в смертельной опасности, Д. остается женственной в своих чувствах и переживаниях, и эта женственность, не только сохраненная, но и обострившаяся в условиях передовой линии фронта, помогла ей несомненно быть не только самоотверженной сестрой милосердия, но и стать замечательной поэтессой. Д. по-женски признается: «Я только раз видела рукопашный. / Раз — наяву. И тысячу — во сне. / Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне». Самое страшное в том, что однажды увиденный рукопашный бой, в котором люди сходятся лицом к лицу, чтобы убивать друг друга, потом снится тысячу раз. Мало какой мужчина может признаться в испытанном им страхе, а вот юная девушка не скрывает его, и эта ее искрен-

ность говорила о том, что она находила в себе силы преодолевать страх, быть мужественной, и опять же «Потому что имя ближе, чем „Россия“, / Не могла сыскать».

Лирическая героиня (а лучше сказать — сама Д., потому что в ее лирических переживаниях нет ничего придуманного и условно-обобщенного, как нередко бывает у др. лирических героев) на войне впервые испытала и поэтически, несмотря на экстремальные условия, пережила чувство любви. «Ко мне в окоп сквозь минные разрывы / Пришла твоя любовь. / Не знала я, что можно стать счастливой / У дымных сталинградских берегов», — признается она в одном стих., а в др. рассказывает: «Ждала тебя. И верила. И знала: / Мне нужно верить, чтобы пережить / Бои, походы, вечную усталость, / Ознобные сырые блиндажи... / Минуту счастья делим на двоих, / Пусть — арналет, / Пусть смерть от нас — на волос. / Разрыв! А рядом — нежность глаз твоих / И ласковый срывающийся голос. / Минуту счастья делим на двоих...» О такой любви редко когда было сказано в отечественной, в мировой поэзии. Именно на передовой у Д. сложилась убежденность, которую она пронесла через всю свою жизнь: любовь может быть взаимной и безнадежной, краткой и длительной, легкой и трудной, но «не бывает любви несчастливой», ибо переживание любви, даже безответной, очищает, преображает и возвышает человека.

Др. «высокая точка отсчета» для Д. — это рожденное на войне чувство солдатской дружбы, которое постоянно дает о себе знать в ее стихах и о фронтовых подругах и ровесницах («Зинка», «Однополчанке», «Званный обед», «Ты вернешься» и мн. др.), и о погибших на войне парнишках, и о ветеранах («Солдатские будни», «Не знаю, где я нежности училась...», «Встреча», «А годы, как взводы, идут в наступление...» и др.). Здесь, говоря словами самой поэтессы, она выступает «связной / Между теми, кто жив и кто отнят войной». С глубоким проникновением в души и творчество поэтов своего поколения написаны ею стихи, посвященные памяти Вероники Тушновой, Сергея Орлова (цикл «Под сводами души твоей высокой») и Бориса Слуцкого («Наш комиссар»).

До конца своих дней Д. оставалась чуждой к жизни своих соотечественников и своей родины, ко всему, что происходило в мире. Она с большими надеждами на лучшее будущее восприняла перестройку конца 1980-х, стала депутатом Верховного Совета СССР, много выступала в периодической печати не

только со стихами, но и с публицистическими статьями, в которых с тревогой писала о том, как неоднозначно проходит перестройка, как у многих людей происходит девальвация высоко ценимых ею моральных и гражданских ценностей. Трагически был воспринят Д. развал СССР. Личные утраты (смерть второго супруга, известного кинореж. А. Каплера) и крушение общественных идеалов послужило, судя по всему, основной причиной самоубийства Д.: она отравилась выхлопными газами автомашины в своем гараже. Такого ухода из жизни никто не ожидал от нее, привыкшей всегда и во всем бороться и стоять до конца. Однако ее самоубийство вряд ли можно рассматривать только как свидетельство ее бессилия перед чуждым ей поворотом событий. В последнее время она действительно чувствовала бессилие своего поэтического и публицистического слова перед неприемлемым для нее ходом событий, но не хотела покорно мириться с этим. В добровольном уходе Д. из жизни следует, вероятно, видеть единственный оставшийся у нее, человека искреннего и благородного, человека-максималиста, способ протеста против совершающегося в мире. Гибель Д. отозвалась глубокой скорбью в сознании соотечественников.

Соч.: Светлокосый солдат: Избранное / вступ. статья Б. Леонова. Калининград, 1973; Избранное. М., 1977; Не бывает любви несчастливой / предисл. Б. Слуцкого. М., 1977.

Лит.: Прокофьев А. Разговор о работе // Звезда. 1947. № 5; Панченко Н. Солдаты завещают мир // Лит. газ. 1962. № 22. 20 февр.; Коваленков А. Там, где не нужно объяснений... // Коваленков А. Хорошие, разные... М., 1966; Кузин Н. Декретом времени... // Наш современник. 1975. № 11; Храмов Е. Юлия Друнина. Окопная звезда // Лит. обозрение. 1977. № 2; Орлов С. Строки, огнем закаленные // Правда. 1977. № 130. 10 мая; Орлов С. Избранное Юлии Друниной // Орлов С. СС: в 3 т. М., 1980. Т. 3; Наровчатов С. И девушка наша в походной шинели... // Наровчатов С. СС: в 3 т. М., 1978. Т. 3; Старшинов Н. Планета «Юлия Друнина», или История одного самоубийства. М., 1994.

М. Ф. Пьяных

ДУБОВ Николай Иванович [22.10(4.11).1910, Омск — 24.5.1983, Киев] — прозаик.

Родился в семье рабочего. Еще на паровозоремонтном заводе, куда поступил после окончания школы (1930), начал писать корреспонденции в местную газету, стал ее сотрудником, а впоследствии — редактором. Во время Великой Отечественной войны ра-

ботал на оборонном предприятии, затем вернулся к журналистике. Начатая им еще в 1945 повесть «**У отдельно стоящего дерева**», посвященная судьбе советских военнопленных, по обстоятельствам времени не могла появиться в печати и, в доработанном виде, опубликована лишь в 1966.

Д. дебютировал в лит-ре пьесами «**У порога**» (1949) и «**Наступает утро**» (1950), а вскоре стал писать для детей. Первая его книга «**На краю земли**» (1951) чрезмерно перегружена событиями и назидательными рассуждениями взрослых персонажей, введенных в повесть согласно насаждавшемуся в ту пору изд-вами и критикой «штатному» расписанию, на что Д. жаловался в выступлении на Всесоюзном совещании по детской лит-ре (1952): «Педагоги требуют, чтобы в книге была школа и обязательно образ безукоризненного учителя... пионервожатые — чтобы была пионерская организация и образ совершенно безупречного пионервожатого; профсоюзные деятели — чтобы была профорганизация и профработник...».

Однако уже следующая повесть Д. «**Огни на реке**» (1952) несравненно более самостоятельна. Само название книги, рассказывающей о недолгом, но оказавшемся для мальчика Кости крайне важным пребывании в семье дяди-бакенщика, имеет определенный символический смысл: в образе Ефима Кондратьевича и подобных ему тружеников воплощены нравственные ориентиры, исподволь становящиеся путеводными для юного героя. И в последующем творчестве Д. «ос-

Н. И. Дубов